

П ОДЛИННЫЙ облик Горького — художника и человека — так долго и старательно записывался и лакировался целыми поколениями критиков и литературоведов, что до оригинала теперь приходится добираться с трудом. Тем более удивительно, что в жизни и творчестве такого, казалось бы, всесторонне изученного писателя встречается столько «белых пятен».

Одно из них — взаимоотношения Горького с широким кругом государственных и партийных руководителей, деятелей науки и культуры, писателей, которые были репрессированы, подвергались нападкам и гонениям. Правда, в последнее время исследователи стремятся ввести новые имена при изучении личных и творческих связей Горького. И чаще всего он предстает как защитник притесняемых властями и трагических вульгарно-социологической критикой литераторов. Об этом свидетельствуют, например, открывающиеся факты взаимоотношений Горького с Е. Замiatиным, М. Булгаковым, Б. Пильняком и др. Однако далеко не всегда он оказывался правым в творческих и идейных спорах с писателями, особенно в последние годы жизни. Так, Горький не сумел или не захотел оценить по достоинству Павла Васильева — яркого, самобытного поэта. Мало того, сыграл в его судьбе довольно мрачную, даже трагическую роль.

«Павел Васильев, — вспоминает вдова поэта Е. Власова-Васильева о последнем, московском периоде его жизни, — легко наживал себе врагов... не посредственность, открытость и горячность его натуры не могли ужиться с отрицательными сторонами бытовавшей тогда групповщины, с ее подсиживаниями, демагогией и т. п. Скандалы и даже «хулиганство», о которых стали поговаривать, были пусть слепым, во многом неправильным, но все же протестом против той литературной среды, в которой он оказался... Слухи раздували, выдумывали невероятные подробности. Одним словом, все эти истории докатились до А. М. Горького, вызвав его достаточно широко известную статью».

Следует добавить, что Горькому жаловались на Васильева не только его собратья по перу. Сохранился черновик письма Горького тогдашнему редактору «Правды» Л. З. Мехлис, из которого видно, что последний, сообщая порочные сведения о М. Пришвине, А. Платонове и П. Васильеве, старался подвигнуть Горького на публичное выступление против этих писателей. Вот что писал Горький в ответ:

«За информацию о трех писателях — очень благодарен Вам, Лев Захарович. Пришвин, старый и верный ученик Иванова-Разумника, конечно, неизлечим, но все же он — сравнительно с прошлым — подвинулся вперед и налево... А. Платонов — даровитый человек, испорчен влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним».

П. Васильева я не знаю, стихи его читаю с трудом. Истоки его поэзии — неонародническое настроение — или: течение — созданное Клычковым — Клюевым — Есениным, оно становится все заметней, кое у кого уже принимает русофильскую окраску и — в конце концов — ведет к фашизму» [Архив А. М. Горького].

Да, недоверие к русскому крестьянству, восприятие деревни как косной, анархической, темной силы, — все эти давние трагические заблуждения писателя привели его в 30-е годы к опасному и несправедливому сближению идеологии крестьянских поэтов, воспевавших патриархальный мир деревни, отставивших русскую национальную культуру, — с фашизмом.

В размышительной статье «О литературных заблуждах» Горький подверг резкой критике «порчу нравов» в писательской среде. «Жалуются», подчеркивал он, — что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганит Сергей Есенин. Но в то время, как одни порицают хулигана, — другие восхищаются его даровитостью, «широтой натуры», его «нондовой мужицкой силеицей» и т. д. Но порицающие ничего не делают для того, чтоб обезвредить свою среду от присутствия в ней хулигана, хотя ясно, что если он действительно является заразы, началом, его следует как-то изолировать. А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтоб перевоспитать его. Вывод отсюда ясен: и те, и другие одинаково пасивны, пассивны, и те, и другие по существу своему равнодушно «взирают» на порчу литературных нравов, на отравление молодежи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние «иначе воробьиного носа».

Еще более тяжелое впечатление производит то письмо «Правды», которое Горький посчитал возможным процитировать в своей статье. Иначе как доносом его не назовешь. «Нет ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы, — писал оставшийся до сих пор анонимным «партией» о Васильеве. — Политический... это враг».

Трудно сказать теперь, что именно заставило Васильева обратиться с «покаянным» письмом к Горькому: стремление вырваться из тисков критики, надежда обрести вновь подорванную выступле-

Павел Васильев, 1932 г. Москва.

Сергей Клычков и Павел Васильев, 1931—1932 гг. Москва. А. М. Горький, 1936 г. Тессели.

нием Горького репутацию или искреннее раскаяние в своих и правда не всегда благовидных поступках. Скорее всего и одно, и другое, и третье. Приводим текст этого первого, неизвестного письма Васильева, хранящегося в Архиве А. М. Горького.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Я вполне понимаю всю серьезность и своевременность вопроса о быте писателей, который Вы поставили в Вашей статье «О литературных заблуждах».

Меня лично Ваша статья заставила глубоко задуматься над своим бытом, над своим творчеством и над кругом интересов, которые до сих пор окружали меня и меня волновали.

Я пришел к выводу, что должен своим образом перестроить свою жизнь и раз навсегда покончить с хулиганством, от которого, как правильно Вы выразились, до фашизма расстояние короче воробьиного носа. Свою перестройку я покажу на деле.

Но, Алексей Максимович, в письме, которое Вы публикуете в своей статье, неизвестный автор называет меня прямо политическим врагом. Это глубоко неправильно и голословно. Имея в своих произведениях отдельные идеологические срывы, политическим, т. е. сознательным, преднамеренным и расчетливым врагом советской власти и литературы я не являлся и никогда являться не буду.

Вы, Алексей Максимович, человек, окруженный любовным и заботливым дыханием всей нашей великой страны, человек, вооруженный неслыханным в мире авторитетом, больше, чем кто-либо другой, поймете, что позорная кличка «политический враг» является для меня моей литературной смертью.

Большинство литераторов и издателей поняли Вашу статью как директиву не печатать и изолировать меня от общественной работы.

Отдельные же конъюнктурщики, типа Льва Никулина, уже торопятся к слову «политический враг» прибавить и другие, вроде «антисемит».

Я думаю, Алексей Максимович, что такая заклевывательная кампания вовсе не соответствует Вашим намерениям, и что Вы руководитесь другими чувствами и что мне открыты еще пути к позициям настоящего советского поэта.

Павел ВАСИЛЬЕВ

1934 г.
Июнь.

Получив это письмо, Горький, видимо, понял, какую оплошность он совершил, давая столь резкую публичную оценку Васильеву. Нравы писательской братии были ему хорошо известны. Не раз предостерегал он писателей от слишком небрежного отношения друг к другу. И Горький решил выступить с открытым ответом Васильеву, которым намеревался остановить оголтелых критиков поэта. Вероятно, о решении Горького было сообщено Васильеву. Однако его письмо было сочтено недостатком самолюбия. От поэта потребовали переписать его заново.

Васильев пошел на уступки и написал, что от него требовали, признавал даже то, против чего более всего воз-

ражал в первом письме: что его «хулиганское поведение» является «политическим фактом». В конце письма он, правда, все же попытался как-то протестовать против травли и несправедливых обвинений. Однако Горький, редактировавший письмо, отсек этот конец, оставив одно безоговорочное признание вины и обещание исправиться. В таком усеченном виде оно появилось впервые 12 июля 1934 года в «Литературной газете» и затем неоднократно воспроизводилось в критической литературе.

Вместе с этим письмом был напечатан и ответ Горького:

«Я не стал бы отвечать Вам, Павел Васильев, если б не думал, что Вы писали искренно и уверенно в силе Вашей воли. Если этой воли хватит Вам для того, чтоб Вы серьезно отнеслись и не только к своему дарованию, которое как подросток — требует внимательного воспитания, если это сбудется, тогда Вы, наверное, войдете в советскую литературу как большой и своеобразный поэт».

О поведении Вашем говорили так громко, писали мне так часто, что я должен был упомянуть о Вас, — в числе прочих, как Вы знаете. Мой долг старого литератора, всецело преданного великому делу пролетариата, — охранять литературу Советов от засорения флюкунками слова, хулиганскими, халтурщицкими и вообще паразитскими. Это — не очень легкая и очень неприятная работа».

Обоз

Снегиревая заря,
мерзлая божья рябина,
Кровь на льду,
раскрасневшийся край земли...
Под синим широким небом
через равнину

Обозы шли
в щелканьи кнутов,
в пугливом ржаньи
Закурчавившихся от мороза коней,
И кругом их летали «прищипы»,
«до свиданья»,
да вороны, да редкие звезды огней.

И деревни,
как скопища ведьм небывалых,
И махали ручищами мельники, крича:
— Не забыла ли, Машенька,
полущалок?
— Нет ли с вами Игнатия Лукича?

Но молчали укутанные в овчины
Обозники, от злобы сводило у них
Пальцы твердые, как лучина,
И литовки бровей на лицах глухих.

Лавошники кутались в одеяла,
Их глаза, что гири, были тулы.
И, бороды развевая, рядом шагали
Одичавшие от голода поны.

И мерно ладонь в ладонь ударяли,
Вслушиваясь в обозные бубенцы,

«Обоз» был послан на отзыв Горькому. Как же оценил писатель это стихотворение? Многочисленные пометы буквально испещрили текст. Писатель подчеркнул не понравившиеся ему определения «закурчавившихся... коней» и «ведьм небывалых», сравнение «глаза,

Васильев воспринял это выступление Горького в печати очень оптимистично и, скрытый от друзей тоном, начал посылать рукописи своих стихов в редактируемый Горьким новый журнал «Колхозник». В письме от 25 октября 1934 года заведующий литературным отделом журнала В. Зазубрин информировал Горького о материалах очередного номера: «Шлю—Васильева, Семеновского Д. и Ф. Дудорова... Павел Васильев — человек Вам известный, и Вы понимаете, конечно, что печатание его в нашем журнале может вызвать злобные шепотки со стороны некоторых литературных группочек. Я лично пренебрегаю всем этим, поэтому и посылаю Вам Васильева». В ответном письме от 3 ноября 1934 года Горький одобрил публикацию стихов Семеновского и переводов Дудорова, а о поэме Васильева «Песня о гибели казачьего войска», посланной ему Зазубриным, высказался кратко и безапелляционно: «Васильева — не надо...».

Кроме «Песни о гибели...», в Архиве А. М. Горького хранятся рукописи еще двух произведений Васильева: поэмы «Кулаки» и, по всей видимости, неопубликованного стихотворения «Обоз» (оно не включалось ни в одно из посмертных изданий поэта).

Коршунами сидя
на мешках с сухарями,
Накопители — кулаки и купцы.

Дышали хрипло их подруги,
Тяжелые, как гроба,
Высокие, как прizziонские души,
Красногубые и беззубые.

И в самом конце, снег обнимая
Спожками: «Дойдем, ни черта!» —
Влачили неприкаянная, блатная,
Исхоловчившаяся мелкота.

Так все дальше — к северу,
к концу России,
Молча, сквозь небывалый мороз,
Сквозь ветры протяжливые и косые
Передвигался обоз.

Поблескивал месяц в конских гривах,
Не оставляя следов, следуя,
Шла золотая орда юродивых,
Ожогенные от ненависти стада.

А впереди комсомольцы,
главари-буяны,
Позванивая в лунную медь,
Широко развертывали багны,
Тяжелые от счастья запяты.

В лунную медь позванивая,
Чуб наутро, несней пьяна,
Ляже дышала невиданная, незнаемая,
Солнцем обаятая страна.

что гири», слово «накопители». Над строкой «...Им махали ручищами мельники, крича...» написал: «кто?», хотя очевидно, что деревни. Подчеркнул весьма выразительную строку «...Высокие, как прizziонские души...», поставил рядом вопросительный знак, а сверху написал:

«Что это значит?». И т. д. Результатом столь внимательного, даже придирчивого чтения была решительная резолюция, вынесенная Горьким тут же, на первой странице рукописи: «Это — на мой взгляд — плохо. А. П.».

Отрицательное отношение к стихам Васильева, нежелание печатать их в «Колхознике» свидетельствует о том, что у Горького к тому времени сложилось сильное и устойчивое предубеждение против поэта. Пожалуй, Васильев был самым ярким продолжателем есенинских традиций в советской поэзии. Для его поэзии были характерны «удесятеренная сила жизни», могучая энергия и жизнелюбие, острое ощущение социальных конфликтов, тяга к народно-песенному творчеству, страстная эмоциональность стиля и яркая контрастность образов. Все эти черты, очень близкие и творчеству Горького, казалось бы, должны были покорить писателя, как покорили его в свое время муза Есенина, поэта «изумительного» и «великого». Но если в 20-е годы Горький еще мог понять и простить тоску Есенина, его запой и его «хулиганство», то через десять лет за «пьяными дебошами» Васильева он не разглядел ни стихийности и широты его страстной души, требовавших выхода, ни повышенной внутренней ранимости, скрываемой под внешней грубостью и буйством.

РОЗНЫЕ тучи общественного и литературного осуждения продолжали неумолимо сгущаться над головой опального поэта. 10 января 1935 года Васильев был исключен из Союза писателей, а это автоматически повлекло за собой негласный запрет на публикацию его произведений. Завершило кампанию травли известное «Письмо в редакцию» газеты «Правда» (напечатано 24 мая 1935 года), поводом для которого послужила ссора между Васильевым и поэтом Джеком Алтауэном. Письмо подписали двадцать известных поэтов, среди них и такие, как Н. Сеев и С. Кирсанов, И. Уткин и В. Луговской, и даже близкий друг Васильева Б. Корнилов.

«Решительные меры против хулигана Васильева» по требованию писателей были приняты: 15 июля 1935 года он был осужден на полтора года лишения свободы и отправлен в исправительно-трудовую колонию. Здесь, томимый невыносимым и тяжким тюремным трудом, поэт решил искать защиты и помощи у человека, ставшего волею или неволею причиной его несчастий. В письме из колонии от 23 сентября 1935 года Васильев хотя и очень осторожно, но все же напомнил Горькому о той роли, какую писатель сыграл в его судьбе: роли того рокового выстрела, который вызвал снежную лавину зашугавшей критики, поношений и доносов. (Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

В Ваших глазах я, вероятно, похож сейчас на того свернувшего мальчишку, который кричит «не буду, дядя», когда его секут, но немедленно возобновляет свои пакости по окончании экивокации.

Аморальный, хулиганский, отравительный, фашистский — вот эпитеты, которыми хлестали меня безостановочно по глазам и скулам в нашей печати. Я весь оброс этими словами и сам себе кажусь сейчас какой-то помесью Махно с канарейкой.

Ваше чудесное и доброе письмо, Ваша неожиданная помощь, так ослепившая меня в свое время — теперь превратились в грозное орудие против меня, заслонили мне дорогу назад и зажали во мне мучительный стыд.

Мне понятно теперь, как опасна бывает иногда помощь великанов! После Вашего письма садясь за работу, я думал: вот возьму и напишу такое, чтобы все ахнуло, и меня похвалит Горький! Я гордился и я честолюбив, Алексей Максимович, — и, ложась спать, я говорил себе:

— Вот погоди, закону задуманное — Горькому понравится...

Я сработал поэму «Кулаки», прочел ее знакомым, перечел сам и убедился, что она «не то». И почувствовал апатию к ней. Озлобился. Выпил несколько раз. Из-за ерунды поскандальил с Эфросом. Этот по существу ничтожный и ограниченный обуюной руганью случай не привлек бы никакого внимания, если б за несколько месяцев назад Вы своим письмом не вытискали меня на «самый свет».

Получилось плохо. Меня исключили из Союза писателей [не выполнил обещаний], фактически запретили мне печататься где-либо, оставили меня буквально без помощи. Я метался из стороны в сторону, как совок днем, искал хоть какой-нибудь поддержки, куска хлеба, наконец, для себя и семьи.

Я раз двадцать просил т. Щербакова** отправить меня на стройку, в колхоз, — от стыда, от многих улыбающихся и нелюбящих меня, от самого себя. Щербаков говорил: «Иди к Гронскому*** — Гронский пошлет». Гронский же отправлял к Щербакову: «Пусть пошлет Щербаков...»

Но в глубине моей души тепла надежда — все-таки подняться, неприкрытый огонек — единственное, что я ценю в себе. И снова сел работать. В это

время я начал и довел до половины лирическую поэму «Христолобовские ситцы».

Семь месяцев сидел сидел дома. Выпивать же стал под конец главным образом [не преувеличиваю] потому, что «друзья» вместе с водкой приносили и закуски.

Мне трудно Вас уверить, но историю с Алтауэном расписали в «Правде» страшно преувеличенно. Просто, видимо, решили положить конец и т. д.

Вот уже три месяца, как я в Испр. Труд. Колонии при строительстве завода Большая Электросталь.

Я работаю в ночной смене краснознаменной бригады, систематически выполняющей план. Мы по двое таскаем восьмипудовые бетонные плахи на леса. Это длится в течение девяти часов каждый день. После работы валяешься спать, спишь до «баланды» и — снова на стройку.

В выходные дни играю на гарможах, беседуем, и я частенько рассказываю о том, как Вы написали мне чудесное и доброе письмо и как недовольны были этим люди, хотевшие моей гибели...

Я не хныкаю, Алексей Максимович, но зверская здешняя работа и грязь ест меня заживо, а главное, самое главное, лишает меня возможности заниматься любимым — литературой.

Мне нечего тосковать и лгать и нечего терять — проверял себя сейчас на бетонных плитах, вижу, что, несмотря ни на что, люблю свою страну, люблю свое творчество и наперекор всему — уцелею.

Но как не хватает воздуха свободы! Зачем мне так крутят руки!

Я хотел бы сейчас работать где-нибудь на окраинах Союза. Может ли быть заменена тюрьма высылкой в какие-нибудь края, на какой угодно срок!

Я имею наглость писать эти строки только потому, что знаю огромные запасы любви к Человеку в Вашем сердце.

Ну вот и все... Если не изменится ничего в теперешнем бытии моем — все равно не пропаду, сожму зубы, перемотаюсь и дождусь срока...

Весь Ваш Павел ВАСИЛЬЕВ
23 сентября 35 г.
ИТК. Электросталь.

В те годы Горький был окружен плотной стеной «идеологической» охраны, не допускавшей к писателю многочисленных просителей и жалобщиков, а его секретарь П. П. Крючков, связанный с НКВД, тщательно цензурировал всю обширную переписку. Однако на этот раз по какой-то случайной случайности письмо Васильева из колонии, скорее всего, дошло до адресата. Пометы на письме позволяют предположить, что оно было прочтено Горьким с большим вниманием и даже волнением. Красным карандашом подчеркнуты слова, свидетельствующие о тяжелых условиях труда в заключении [восьмипудовые бетонные плахи], «зверская здешняя работа» и подавленным состоянием поэта («Но как не хватает воздуха свободы! Зачем мне так крутят руки!»).

Принял ли Горький участие в судьбе заключенного Васильева? Помог ли вырваться на свободу? Документальными сведениями об этом мы пока не располагаем. И все же хочется верить, что Горький не оставил поэта в беде. Наше предположение косвенно подтверждается воспоминаниями Власовой-Васильевой. По ее свидетельству, из колонии поэт был вскоре переведен в Таганскую тюрьму в Москве, а оттуда — в рязанскую тюрьму. «Не знаю, — пишет вдова, — чем было вызвано подобное расположение, но начальники тюрьмы были со мной крайне любезны. Он не только смотрел сквозь пальцы на наши частые и долгие свидания с заключенным мужем, он снабжал Павла бумагой и карандашами — давал возможность писать стихи». Приятным сюрпризом для близких стало и досрочное освобождение Васильева весной 1936 года.

Недолго, однако, поэт оставался на свободе. Меч над его головой был уже занесен. В 1937—1938 годах были уничтожены в сталинских застенках все поэты есенинского круга: Клюев, Клычков, Приблудный, Орешин. Не избежал этой участи и Павел Васильев. 6 февраля 1937 года он был арестован, 15 июля приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу.

«Медвежья услуга», оказанная Горьким Васильеву, не была лишь досадной случайностью. Горький воспринимал творчество Васильева как развитие вредных и даже социально опасных традиций крестьянской поэзии Клычкова, Клюева, Есенина. И вся история с Васильевым представляется закономерным и трагическим завершением полувековых отношений пролетарского писателя с русским крестьянством, с его вдохновенными певцами и защитниками.

* А. М. Эфрос (1888—1954) — литературный критик, искусствовед, переводчик.
** А. С. Щербаков (1901—1945) — в то время секретарь правления Союза писателей.
*** И. М. Гронский (1894—1985) — главный редактор «Известий» и «Нового мира». Жены Васильева и Гронского были родными сестрами.

Н. ПРИМОЧКИНА,

старший научный сотрудник
Института мировой литературы
имени А. М. Горького АН СССР